

УДК 027.1:378.4(477.74)

И. Л. Великодная,

кандидат филологических наук,
заведующая Отделом редких книг и рукописей
Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова

“РАССЕЯННЫЕ КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ” В ФОНДАХ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ

Статья посвящена рассмотрению проблемы реконструкции частных книжных собраний, рассеянных в основных фондах вузовских библиотек. На примере коллекций О. М. Бодянского, В. В. Величко, А. А. Половцева и др. показана работа по выявлению изданий книжных памятников-коллекций, находящихся в фондах НБ МГУ. Указывается на необходимость получения особого статуса для рассеянных библиотек, что не только поможет реконструировать общую картину формирования фондов, но и обогатит знания по истории науки и культуры прошедших эпох.

Ключевые слова: частные книжные собрания, рассеянные книжные собрания, книжный памятник, книжный памятник-коллекция.

О частных книжных собраниях в фондах Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова говорилось уже не единожды: в последние годы это одна из самых популярных тем докладов, как и многих статей и публикаций, которые выходили в сборниках, издаваемых Отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова, и в других книговедческих изданиях и профильных периодических изданиях.

Приведем несколько примеров: на последней конференции в Санкт-Петербурге “Книга в России” сотрудниками Отдела были подготовлены доклады о книжных собраниях семьи Муравьевых, библиотеке О. М. Бодянского. На конференции, посвященной 60-летию Отдела (ноябрь 2006 г.), прозвучали доклады о собраниях Муравьевых, О. М. Бодянского, М. М. Ковалевского и других частных библиотеках. В сборниках нашего отдела (а они выходят с 1973 г. по настоящее время) большая часть статей посвящена частным собраниям. Достаточно перелистать сборники Отдела последних лет, например, “Рукописи. Редкие издания. Архивы” (М., 1997), в котором из 18 статей 6 статей о частных собраниях, а в последнем сборнике с таким же названием (М., 2004) из 15 предложенных статей — 5 на ту же тему.

Интерес к частным собраниям всегда был велик. Наверное, это можно объяснить простой расхожей фразой о “сладости запретного плода”, когда многие частные книжные коллекции были рассыпаны, когда не разрешалось их сохранять неделимым фондом и пр., а интерес к дворянской культуре, частью которой и были книжные собрания, к книжной культуре середины XIX — начала XX вв., когда тип книжной коллекции меняет свой облик и расширяется социальный образ владельца подобного собрания,

когда библиотека — это часть не только дворянского особняка, но и профессорского кабинета, студенческой съемной квартиры, купеческого дома, комнат доходного дома книголюб-собирателя, не располагающего большими средствами..., не угасал, и нити многих книговедческих исследований тянулись именно к этим распыленным, разрозненным собраниям.

В последние годы появился термин “книжный памятник”, который распространяется и на целую книжную коллекцию. Но что мы считаем книжным собранием или книжной коллекцией? Приведу еще раз известные определения:

“Книжные памятники — это книги (рукописные и все виды печатных изданий) и/или коллекции, обладающие выдающимися духовными, эстетическими и документирующими свойствами, представляющие общественно значимую научную, историческую, культурную и материальную ценность и охраняемые в таком статусе государством. <...>

Книжные памятники-коллекции — это специально организованные собрания единичных книжных памятников или книг, которые могут и не представлять ценности сами по себе, но обладающие в совокупности историко-культурной значимостью. По степени историко-культурной ценности книжные памятники подразделяются на мировые, федеральные, региональные и местные в соответствии с тем, что они отражают: выдающиеся явления мировой истории и культуры, истории и культуры отечества в целом, каждого региона, местности”.

В основополагающих документах, принятых на территории Российской Федерации, в которых определяются данные категории, говорится и о том, что “по отношению к книжным памятникам, хранящимся в библиотеках, музеях, архивах, книжных палатах и др. учреждениях различных ведомств, необходима реализация единой политики обеспечения их сохранности, рационального использования, государственной охраны и юридической защиты”. Кроме этого стоит задача централизованного государственного учета в Общероссийском своде книжных памятников (ОСКП).

На Российскую государственную библиотеку возложена функция федерального научно-исследовательского, научно-методического и координационного Центра по работе с книжными памятниками России.

Что ж необходимо для понимания сути этого определения и выявления подобной категории? Что, говоря другими словами, подходит под это определение? На сайте РГБ вывешены некоторые примеры подобного вида, в том числе из нашего собрания. Позволим себе прокомментировать их, чтобы окончательно определить, что является книжным собранием как таковым?

Библиотека Валериана Вадимовича Величко — это только часть огромного собрания, которое, как известно, долгие годы владеец не мог “пристроить”, что называется, в одни руки. Сначала сам В. В. Величко, а затем его наследник Н. К. Величко, предлагали огромную библиотеку в дар многим московским книгохранилищам, увы... по известным причинам её не принимали в дар. Тогда владельцы стали передавать частями свое книжное собрание, что нарушало его целостность, но другого пути не было. Отдельные части этих даров, поступивших в 1950–1960-е годы, мы находим

в общем фонде нашей библиотеки и в общем фонде Отдела редких книг и рукописей. В конце 1980 — начале 1990-х гг. Н. К. Величко передал в дар по сути “остатки” великолепного книжного собрания в размере более 3 000 изданий. И когда началась работа по описанию этой книжной коллекции, то стало понятно, что мы имеем дело с большим, но, все-таки, фрагментом этого уникального книжного собрания. Часть книг Н. К. Величко передал в Пушкинский Дом, часть — в Государственный музей А. С. Пушкина, что-то было им “пристроено” в Музей медицины, который тогда существовал в шереметьевском Странноприимном ДOME (Московском городском НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифасовского), что-то попало в другие книгохранилища. Таким образом, на сегодняшний день мы заявляем о книжном памятнике-коллекции В. В. Величко и Н. К. Величко, обозначая количество тех сохранившихся томов, которые стоят на полке как единое целое. Но мы уверены, что необходимо, прежде всего, продолжать работу по выявлению изданий их этой коллекции в наших фондах, а в дальнейшем вести работу по реконструкции этого собрания в целом, так как подобные имена не могут быть забыты, а книжные собрания такого уровня заслуживают изучения, реконструкции, каталогов. Таким образом, мы надеемся, что о других частях книжного собрания Величко вскоре заявят и другие книгохранилища, что даст нам возможность затем объединить эти разрозненные фрагменты в единое целое.

Еще несколько примеров: книжные собрания семьи Тургеневых, К. В. Базилевича, И. И. Шувалова, Ф. И. Буслаева — это речь идет о тех собраниях, которые давно хранятся в нашем фонде как неделимые, чем мы очень гордимся, но и у них своя (вполне закономерная) судьба... Это — фрагменты книжных собраний, большая часть которых рассеяна. Где и как? — это тема отдельного исследования. Кем и когда? — на этот вопрос примерно каждый может найти ответ.

В определении книжного памятника-коллекции не оговаривается, о чем идет речь: о целостном собрании или о его части. Поэтому 102 ед. хр., представляющие часть собрания О. М. Бодянского и хранящиеся в РГБ, являются собой книжный памятник-коллекцию, хотя это только часть собрания. И более 1700 ед. хр. в нашем фонде О. М. Бодянского также представляют собой тип книжного памятника-коллекции, хотя и это — часть распыленной коллекции, всего лишь фрагмент. Причем, как нам представляется, это фрагменты разных библиотек — личной библиотеки и учебной, которую Бодянский собирал для ИМУ, где будущие студенты-слависты должны были иметь некоторую базу для обучения. Это лишь обозначение проблемы, с которой в дальнейшем предстоит работать как сотрудникам РГБ, так и нашей Библиотеки.

Полагаю, назрело обсуждение вопроса и проблемы о действительно распыленных собраниях в недрах книжных фондов. Речь идет не о тех случаях, когда собрания были когда-то рассыпаны и теперь отчасти или целиком реконструированы, а о тех, о которых имеются сведения, что они присутствуют в фондах, и их наличие подтверждается единичными обнаружениями. Что делать с подобными фрагментами собраний?

Нам кажется, что как раз университетские или, если брать шире, вузовские библиотеки богаты именно такими книжными собраниями. Известно, что многие профессора, преподаватели или даже студенты, выпускники часто оставляли или передавали в дар свои иногда богатые, а иногда скромные книжные собрания, иногда передавали их полностью, а иногда подносили небольшую часть. Память об этих людях в ряде случаев может храниться только в архивах наших библиотек, где эти фамилии и имена внесены в акты приема в дар.

Информация же об этих книжных собраниях позволяет реконструировать не только общую картину формирования фонда библиотеки, но и помогает обогатить наши знания по истории науки и культуры той или иной эпохи, а если брать конкретнее — воссоздать картину жизни и быта ушедшей эпохи университетского круга людей, их внутренних интересов, общения, взаимоотношений и бытовой культуры, чему многие годы не уделялось внимания как такового.

Даже такое известное учебное заведение как Московский университет имеет достаточно “белых пятен” в своей истории, поскольку задача написания столь серьезного труда — задача многих лет и усилий разного рода исследователей. Поиск же истории передачи в фонд того или иного книжного собрания выводит подчас на совершенно непредсказуемые пласты научного и культурно-бытового уровня. Поэтому реестр рассеянных книжных собраний и коллекций позволит расширить наши знания об университетской жизни как таковой, выведет на новые архивные документы и источники.

Переезд в новое библиотечное здание нашей библиотеки предполагал работу с фондом, который переезжает в первую очередь. Но мы не предполагали, что столкнемся с таким количеством изданий, которые давно по праву должны стоять на полках Отдела редких книг и рукописей. В нашем общем фонде, расположенном не только в здании Фундаментальной библиотеки на Моховой, но и на многочисленных факультетах МГУ, всегда имелись редкие издания, которые ждали своего часа для перевода в Отдел редких книг и рукописей. Сотрудники Отдела последние годы просматривают общий фонд, выбирая для перевода необходимые издания. И самыми спорными являются как раз вопросы, связанные с распыленными книжными собраниями.

Например, в Отделе редких книг и рукописей давно ведется картотека на имеющиеся в фондах библиотеки издания из собрания Михаила Нестеровича Сперанского (1863–1938) — известного филолога, историка литературы, слависта, этнографа, фольклориста, академика, профессора Московского университета. Книги из его библиотеки встречаются в фонде Отдела редких книг и рукописей, но при тотальном просмотре общего фонда выяснилось, что гораздо большая часть его собрания рассыпана в общем фонде. Встал вопрос: как поступить с этим собранием? Все книги этой книжной коллекции отмечены экслибрисом. Но мы знаем, что в Научную библиотеку МГУ попала лишь часть собрания ученого, а для того, чтобы выяснить, какая это часть собрания и при каких обстоятельствах она была передана или подарена в НБ МГУ, требуются дополнительные

изыскания. Заниматься реконструкцией этого собрания — достаточно трудоемко, и затраченные усилия отчасти будут неоправданны, т. к. с точки зрения истории университета фигура Сперанского — не самая яркая, если рассматривать ее в ряду других крупных ученых, чьи книжные собрания рассыпаны в наших фондах. И здесь необходимо думать о какой-то шкале ценности с точки зрения истории университета, поскольку мы университетская библиотека, поэтому для нас в первую очередь важны фигуры нашей, университетской, истории. Для этого необходимо прояснить ситуацию с историей размещения этой части коллекции Сперанского в наших фондах: было это случайностью или закономерностью? С точки зрения общей истории книжной культуры и даже науки исследование состава этого собрания необходимо и важно. Мы решили продолжить составление картотеки этого распыленного собрания.

Ярким примером типичной судьбы книжного собрания может послужить и библиотека Александра Александровича Половцева (1832–1909) — государственного деятеля, правоведа, знатока искусства и известного мецената. Именно под его наблюдением был издан известный “Русский биографический словарь”. В состав его книжного собрания вошла в свое время библиотека графа Н. А. Куселева-Безбородко. Издания книжной коллекции Половцева также отмечены экслибрисом. Известно, что после смерти Александра Александровича часть его книжного собрания поступила в библиотеку Рисовального училища барона Штиглица, но часть, как предполагается в разных источниках, была распродана. Может быть, именно эта часть была куплена М. М. Ковалевским, т. к. в нашем фонде книги из собрания Половцева имеются в собрании Ковалевского, но встречаются также и в общем фонде. И как поступать с этими разрозненными экземплярами? Присоединить их к собранию Ковалевского, которое в свое время тоже пережило не один этап реформирования и реконструкции в наших фондах, или считать их опять же случайно попавшими в фонд? Но так или иначе все эти книги из собрания одного владельца, поэтому, вероятно, имеет смысл учесть все эти издания для дальнейшей работы с ними. Учесть опять же хотя бы на карточном уровне или создать базу данных на эти фрагменты книжного собрания ради того, что в разных местах имеются другие фрагменты, которые рано или поздно соединятся в единое целое. Если это соединение произойдет на виртуальном уровне — уже этого достаточно, чтобы сохранить представление о содержательной части обширного и значимого собрания, по воле судьбы рассеянного не в одном книгохранении. Очевидно, что фигура А. А. Половцева не имеет никакого прямого отношения к истории МГУ, но, несомненно, вклад этого человека в науку и культуру России очевиден, поэтому заниматься подобного уровня коллекцией необходимо в первую очередь. Как мы уже говорили, различаются уровни книжных памятников-коллекций: мировые, федеральные, региональные и местные. Для каждого книгохранилища необходимо определить эти уровни как для отдельно сохранившихся коллекций, так и для их фрагментов и рассыпанных собраний. И рано или поздно начинать с ними работу.

В наших фондах имеются рассеянные собрания, которые не столь известны, как только что названные, и на фрагменты которых мы выходим случайно. Так, при составлении каталога прижизненных публикаций А. С. Пушкина наше внимание было невольно обращено на то, что многие редкие пушкинские публикации принадлежат собранию некоего В. И. Чернышева, поскольку издания отмечены овальной печатью “Библиотека И. В. Чернышева”. В связи с тем, что владелец обладал изданием “Руслана и Людмилы” (СПб., 1820), томиком “Стихотворений Александра Пушкина” (СПб., 1826), экземпляром второго издания поэмы “Братья разбойники” (М., 1827), разными изданиями “Евгения Онегина” и многими другими раритетами, мы сочли необходимым вынести имя этого владельца в “Указатель изданий из частных собраний” в нашем печатном каталоге пушкинских прижизненных изданий, со следующим пояснением в сноске: “Библиотека В. И. Чернышева в отличие от других представленных здесь книжных собраний не сохранилась как единое целое. При поступлении в НБ МГУ библиотека Чернышева стала частью общего фонда. Но в виду того, что в собрании Чернышева представлена значительная часть пушкинских прижизненных изданий, мы сочли возможным выделить эту библиотеку в нашем указателе”. Позже было выяснено, что Василий Иванович Чернышев — филолог-языковед, многие годы преподавал в Московском университете, написал несколько работ о языке пушкинских произведений. При каких обстоятельствах его библиотека попала в наши фонды — пока неизвестно. Но теперь известно, что это книжное собрание включало в себя много редких изданий. В рамках упоминавшейся работы с общим фондом, все чаще и чаще выявляются редчайшие экземпляры начала XIX века из собрания В. И. Чернышева. Все они занимают свое место на полках Отдела редких книг и рукописей, и работа с этим рассеянным собранием будет продолжена.

К какому же выводу можно прийти после рассмотрения столь необычных, но вполне закономерных, явлений книжно-библиотечного дела?

Думается, что необходим некий статус для так называемых рассеянных библиотек, чтобы книги, принадлежащие этим собраниям, не были исключены по разным причинам из фонда, и не исчезли из поля зрения исследователей. Необходимо создание некоего документа, который обосновал бы положение о рассеянных книжных собраниях и позволил бы эту работу считать такой же важной и необходимой, как и с другими явлениями книжной культуры. И хранители отделов редкой книги должны обладать определенным статусом, чтобы всегда иметь возможность работать с общим фондом библиотек, особенно вузовских библиотек, поскольку, как мы видим, эти фонды являются малоисследованным пластом нашей книжной культуры.

І. Л. Великодна,

кандидат філологічних наук, завідувач відділом рідкісних книжок та рукописів Наукової бібліотеки МДУ імені М. В. Ломоносова

**“РОЗПОРОШЕНІ КНИЖКОВІ ЗІБРАННЯ” У ФОНДАХ
УНІВЕРСИТЕТСЬКОЇ БІБЛІОТЕКИ: ЗАКОНОМІРНОСТІ
ТА ВИПАДКОВОСТІ**

Резюме

Стаття присвячена розгляданню проблеми реконструкції приватних книжкових зібрань, які розпорошені в основних фондах вузівських бібліотек. На прикладі колекції Й. М. Бодяньського, В. В. Величко, О. О. Половцева тощо, показана робота по виявленню видань книжкових пам'ятників-колекцій, які знаходяться у фондах НБ МДУ. Вказується про необхідність отримання особливого статусу для розпорошених бібліотек, що не тільки допоможе реконструювати загальну картину формування фондів, але й збагатить знання з історії науки та культури минулих епох.

Ключові слова: приватні книжкові зібрання, розпорошені книжкові зібрання, книжковий пам'ятник, книжковий пам'ятник-колекція.

I. L. Velikodnaya,

Scientific Library of the Moscow M. V. Lomonosov University

**THE DISPERSED BOOK COLLECTIONS IN THE STACKS OF THE
UNIVERSITY LIBRARY: REGULARITIES AND FORTUITIES**

Summary

The article deals with the problem of reconstructing of private book collections dispersed in the stacks of university libraries. The exposure of editions coming from book memorial collections conserved in the Scientific Library of Moscow State University is shown on the examples of the collections of O. M. Bodyansky, V. V. Velichko, A. A. Polovtsev and others. The necessity of a special status for dispersed libraries is motivated in order both to reconstruct the process of forming of library stacks and to make our knowledge on the history of science and culture of the past more comprehensive.

Key words: private book collections, dispersed book collections, book monument, memorial book collections.